

Хиген удается отразить и специфические национальные черты корейского социума, и универсальные проблемы жизни общества, в котором только любовь, доверие, помочь друг другу могут служить залогом существования настоящей семьи.

Литература

1. Все о Китае в 2 т. / гл. редактор Царева Г.И.— М. : 2001–2002.— Т. 2: 2002.
2. Ионова, Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее, середина XIX — нач. XX в. / Ю. В. Ионова.— М., 1982.
3. Конфуций, Изречения. Книга песен и гимнов : [пер. с кит.] / Конфуций.— М., 2006.
4. Самсонов, Д. А. Корейский этикет: опыт этнографического исследования [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038335-7/flip/index.html>.
5. Ын Хиген, Дуэт [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/neva/2010/3/y9.html>.

П. Б. Котикова

Москва, Московский государственный университет

Образ японца в романе-путешествии И. А. Гончарова

Гончаров, будучи в кругосветном плавании (1852–1854) в качестве секретаря экспедиции, отправившейся в Японию, чтобы подписать договор о торговле и границах, наблюдал жизнь современного ему Запада и Востока. Наше же внимание будет сосредоточено на главах, относящихся к восточной части путешествия Гончарова, на описании японцев. О своей форме изложения Гончаров писал: «Голых фактов я сообщать не люблю, я стараюсь подбирать ключ к ним, а если не нахожу, то освещают их светом своего воображения, может быть, фальшивого, и иду путем догадок там, где темно». По законам романной формы автор вводит в свое произведение образы японцев, их мир. Свое повествование Гончаров начинает с общей характеристики Японии, называя ее «тридцатым государством», «запертым ларцом с потерянным ключом», тем самым подчеркивая замкнутость, закрытость, изолированность этой страны от европейской цивилизации. Далее следует характеристика более категоричная: «Вот достигается, наконец, цель десятимесячного плавания, трудов. Страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными

усилиями склонить, и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство. Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая ловко убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее и внутренние, произвольные законы своего муравейника противоставит и естественному, и народному, и всяким европейским правам, и всякой неправде» [1, с. 8]. Известно, что перед путешествием Гончаров много читал и хорошо знал историю взаимоотношений европейского мира с Японией (например, знал об изгнании в XVI в. христиан, о неблагополучном исходе подписания договора русской дипломатической экспедицией, предпринятой Резановым в 1805 году), имел представление о культурных традициях и знал, что их основой было конфуцианство. Теперь путешественнику предстояло воочию столкнуться с этим миром и узнать его изнутри, разрушить или же не разрушать существовавшие в книгах стереотипы. О чувствах, связанных с предстоящим открытием этого мира, Гончаров пишет: «Мы входили немногого со стесненным сердцем, по крайней мере я, с тяжелым чувством, с каким входят в тюрьму, хотя бы эта тюрьма была обсажена деревьями» [1, с. 8]. Гончаров очень подробно описывает иерархию японского общества, которая внешне выражается в одежде: включающей довольно много элементов у высших слоев, а у низших доходящей до едва прикрытым наготы. Однако и та и другая одежда для русского путешественника, безусловно, чужое, одинаково противопоставляемое удобному *своему*, европейскому костюму.

Для прояснения национального своеобразия японцев автор рисует индивидуализированные портреты [2, с. 195], таким образом, он движется в описании японцев от общего к частному. При этом Гончаров не упускает из виду и, так сказать, общественные аспекты этого «общего». Так, рисуя группу переводчиков, прибывших «предложить некоторые вопросы», Гончаров пишет: «Он говорил обыкновенным голосом, а иногда вдруг возвышал его на каком-нибудь слове до крика. Прочие переводчики молчали: у них правило, когда старший тут, другой молчит, но непременно слушает; так они поверяют друг друга. Эта система взаимного шпионства немного похожа на иезуитскую» [1, с. 20]. И только после этого замечания обобщающего характера Гончаров переходит к созданию индивидуального портрета, полного комизма: «Так, их

переводчик Садагора — который страх как походил на пожилую девушку с своей седой косой, недоставало только очков и чулка в руках, молчал, когда говорил Льода, а когда Льоды не было, говорил Садагора» [1, с. 20].

Гончаров показывает взаимообусловленность человека и вещи, и эпитет «старый», часто используемый Гончаровым в описаниях, очевидно, служит для изображения неподвижного мира японцев, где человек не меняется, а также похожесть японских мужчин на женщин, кстати, что преобладает в портретах мужчин, рисуемых Гончаровым, подчеркивает неспособность к решительным действиям: «Вообще не видно почти ни одной мужественной, энергической физиономии, хотя умных и лукавых много» [1, с. 24].

Чрезвычайно поразило русских то, что в стране с невыносимо жарким климатом и палящим солнцем японцы не носят головных уборов.

Характеристика японского солдата строится по принципу антитезы нашему солдату. «Тут были, между прочим, два или три старика в панталонах, то есть ноги у них выше обтянуты синей материей, а обуты в такие же чулки, как у всех, и потом в сандалии. Коротенькие мантии были тоже синие. «Что это за люди?» —

спросили. «Солдаты», — говорят. Солдаты! нельзя ничего выдумывать противоположнее тому, что у нас называется солдатом. Они, от старости, едва стояли на ногах и плохо видели. Седая косичка, в три волоса, не могла лежать на голове и торчала кверху; сквозь редкую косу проглядывала лысина цвета красной меди» [1, с. 24].

От описания отдельных категорий японцев Гончаров переходит к изображению более крупных групповых портретов, что позволяет получить представление об истоках социальной психологии. Апатия, отсутствие живого любопытства к жизни, выражается в психологическом облике, в выражениях лиц, даже в том, как по-особому они стоят: «Вот посмотрите, они стоят в куче на палубе, около шпиля, а не то заберутся на вахтенную скамью. Зачесанные снизу косы придают голове вид груши, кофты напоминают надетые в рукава кацавейки или мантильи с широкими рукавами, далее — халат и туфли. Одно лицо толстое, мясистое, другое длинное, худощавое, птичье; брови дугой, и такой взгляд, который сам докладывает о глупости головы; третий рябой — рябых много — никак не может спрятать верх-

них зубов. Один смотрит, подняв брови, как матросы, купаясь, один за другим русленей бросаются прямо в море и на несколько мгновений исчезают в воде; другой присел над люком и не сводит глаз с того, что делается в кают-кампании; третий, сидя на стуле, уставил глаза в пушку и не может от старости свести губ. Стоят на ногах они неуклюже, опустившись корпусом на коленки, и большую частью смотрят сонно, вяло: видно, что их ничто не волнует, что нет в этой массе людей постоянной идеи и цели, какая должна быть в мыслящей толпе, что они едят, спят и больше ничего не делают, что привыкли к этой жизни и любят ее. Это всё свита. Баниосы тоже, за исключением некоторых, Бабы-Гарайдзаймона, Самбро, не лучше: один скажет свой вопрос или ответ и потом сонно зевает по сторонам, пока переводчик передает. Разве ученье, внезапный шум на палубе или что-нибудь подобное разбудит их внимание: они вытаращат глаза, навострят уши, а потом опять впадают в апатию. И музыка перестала шевелить их. Нет оживленного взгляда, смелого выражения, живого любопытства, бойкости — всего, чем так сознательно владеет европеец» [1, с. 29–30]. Как видно из цитаты, противоположностью восточному мироощущению является европейское, при этом Гончаров находит общее в некоторых привычках и манерах русских и японцев. Так, например: «Не думайте, чтоб в понятиях, словах, манерах японца (за исключением разве сморканья в бумажки да прятанья конфет; но вспомните, как сморкаются две трети русского народа и как недавно барыни наши бросили ридикюли, которые наполнялись конфетами на чужих обедах и вечерах) было что-нибудь дикое, странное, поражающее европейца. Ровно ничего: только костюм да действительно нелепая прическа бросаются в глаза. Во всем прочем это народ, если не сравнивать с европейцами, довольно развитой, развязный, приятный в обращении и до крайности занимательный своеобразностью воспитания» [1, с. 22].

Как видно из приведенных примеров, тональность и эмоциональная настроенность писателя меняется, что во многом зависит от внутреннего состояния, утомленного длительным путешествием и пребыванием на чужой земле человека с определенной миссией, возможности выполнения которой неясны. У русского путешественника вызывают раздражение японские церемонии накануне переговоров с губернатором: «Они уехали, сказав, когда

губернатор будет готов принять. Мы назначили им в 10-ть часов утра. Тут они пустились в договоры, как примем, где посадим чиновников. «На креслах, на диване, на полу: пусть сядут, как хотят, направо, налево, пусть влезут хоть на стол», — сказано им. «Нельзя ли нарисовать, как они будут сидеть?» — сказал Кичибе.

Ну сделайте милость, скажите, что делать с таким народом? А надо говорить о деле. Дай Бог терпение! Вот что значит запереться от всех: незаметно в детство впадешь» [1, с. 39].

Но для того, чтобы понять логику поведения японцев, автор готов отречься от европейской логики, понимая, что это «крайний Восток»: «Я выше сказал, что они народ не закоренелый без надежды и упрямый: напротив, логичный, рассуждающий и способный к принятию других убеждений, если найдет их нужными. Это справедливо во всех тех случаях, которые им известны по опыту; там же, напротив, где для них всё ново, они медлят, высматривают, выждают, хитрят. Не правы ли они до некоторой степени? От европейцев добра видели они пока мало, а зла много: оттого и самое отчуждение их логично». [1, с. 56].

Интересно выявить сквозь жанровые принципы очеркового, публицистического стиля сосуществующий романский стиль, отчетливо проявляющийся в особенностях создания национально-психологического образа. Чтобы объяснить национально-специфические причины и условия, его породившие, Гончаров использует портретные характеристики как проявление внутреннего мира во внешнем облике, комические приемы при создании образов. Отражение же «своего» мира в путешествии Гончарова присутствует незримо, он во многом похож на мир романа «Обломов», прежде всего на «Сон Обломова» (который уже был написан Гончаровым до начала путешествия). В главном герое романа есть черты, которые Гончаров-путешественник видит в восточных народах; само противопоставление русского Обломова и полунемца Штольца как способ лучше понять русского чрезвычайно похоже на способ описания разных народов у Гончарова-путешественника.

Литература

1. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада» / И. А. Гончаров // Собр. соч. : в 8 т.— М.— 1953.— Т.3.
2. Краснощекова, Е. А. Иван Александрович Гончаров. Мир творчества / Е. А. Краснощекова.— СПб., 1997.